

«...Тем удивительнее речь»

Сергей ОРЛОВ. — КОСТРЫ. Стихи. М., «Советский писатель», 1978.

Я из ряда вон выходящих
Сочинений не сочиню.
Я запрячу в далекий ящик
То, чего не предаю огню.
Борис КОРНИЛОВ
«Ящик моего письменного стола».

В предисловии к последней книге Сергея Орлова «Костры» Егор Исаев вспоминает, как он поторапливал поэта: «очень хотелось, чтоб у него как можно скорее вышла она — эта новая, годами выстраданная книга».

Книга оказалась посмертной. И выстраданной не годами — без малого четырьмя десятилетиями, почти всей сознательной жизнью. «Костры» открывают читателям не только орловскую лирику последних лет — сборник в большей своей части состоит из неопубликованных стихов поэта, помеченных очень далекими датами.

Стихи из «далекого ящика» письменного стола. По каким причинам хранились они там, за семью печатями: время ли не пришло? авторская строгость к себе? авторское своеволие? Извечная застенчивость творца перед ранними опытами, ибо почти все художники считают свой путь поступательным?

Я могу лишь еще и еще размышлять над тем, что я называю сейчас «загадкой Сергея Орлова», начиная что-то понимать и чего-то совершенно не понимая, — как же случилось, что многие сильные, замечательные строки лишь только после смерти их создателя вышли на свет из архивного заточения?..

Не нами придумано, что следующие друг за другом авторские сборники — это главы одной большой книги. И в «Кострах», вероятно, завершающая часть и есть та самая новая книга, принести которую в издательство поторапливал поэт Егор Исаев. Здесь собраны раздумья человека, остро ощущающего неизбежность расставания со всем, что дорого ему в этом мире:

Я землю эту попираю ногами,
К ней под обстрелом припадаю щекой.

Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженною рукою.
Прости, земля, что я тебя покину,

Не по своей, так по чужой вине
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне.

Во всем узнается здесь зрелый Сергей Орлов, его мужественная, тяготеющая к метафоричности манера письма. Вот размышления у обелиска: здесь похоронены те, кто был расстрелян фашистами в партизанском лазарете, под Старым Крымом:

И ни могилы, ни креста,
Ни имени, ни даты...
На всех державная плита,
Одна на век двадцатый.
Одна прощальная слеза
Из камня, из гранита.

А немного ранее — бросок в юность, в победный май 45-го:

Май приносит дни
вспоминаний,
Вновь над миром светится звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Все сработано мастером: зримо, страстно — и это при абсолютном внешнем спокойствии письма.

А еще чуть ранее — стихи 75-го года. В них поэт предстает с какой-то новой стороны: он несколько растерян перед открывшейся ему в дали времен сутью детства, родного крова:

Вхожу в дома я,
словно в отраженья
В воде зеркальной,
преломившей свет.
Я помню все там
с моего рожденья,

Все узнаю,
и ничего там нет.

Там все не так и все не то,
и все же
Над всем душа сжимается моя.

И все плывет вода и все
струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль.
Куда!

Старинные над ней

восходят лица
Как месяцы, как луны, как годы
И сладко там, и страшно

оставаться

И сознавать мне этот сон воды.
Эти стихи дают читателям ясное представление о последнем этапе поэтической работы С. Орлова о результатах его напряженного поиска в последние годы жизни.

И все же необычность «Кострам», выделяя их из ряда поэтических книг С. Орлова, придает стихи из его архива. Я менее всего хочу поставить «неопубликованное» в конфронтацию с тем, что поэт печатал при жизни, — просто собранные воедино и обретшие голос после многолетнего молчания строки производят огромное впечатление, заставляя нас по-иному проследить его творческий путь, его литературную и человеческую судьбу: более точно определить масштабы поэта и в рамках военного поколения и во всей советской поэзии. Н. Ушаков сказал: «Человек продолжительной молчанья, тем удивительнее речь». «Речь» молодого Орлова воистину удивительна!

В юности, в пору первой любви, я, как водится, потянулся к поэзии. По счастью, это совпало по времени с выходом на широкую читательскую аудиторию поэтов военного поколения. Начались 50-е годы...

«Мы не от старости умрем, от старых ран умрем...», «Знаешь, Юлька, я против грусти...», «Его зарыли в шар земной» — эти и другие строки навсегда врезались в память. И все же мне лично больше сказали о прогрессивнейшей над моим детством военной грозе Межиров, Недогонов, Луконин, Наровчатов, позже присоединившийся к ним Слуцкий — более всего — Гудзенко.

Тем удивительнее для меня сегодняшнее открытие: двадцати трех-двадцатичетырехлетним Сергеем Орловым были написаны стихи, которые — прозвучав в свой срок! — во многом иначе бы определили место поэта в шеренге талантов, шагнувших в литературу из окопов и блиндажей. Здесь разговор не о том, кто первый, кто второй кому критики «передали», кому «недодали»: я просто мысленно переношусь в те годы и думаю о том, что С. Орлов в стихах 44-45-го годов сказал о войне так, как может быть, никто другой.

Давние истершиеся даты,
Юность, счастье, светлая пора —
Стоят ли они одной солдата
Горестной улыбки у костра...

В стихотворениях этих лет совсем еще молодой поэт филигранно точен, да простят меня за канцеляризм, в дозировке трагичности восприятия мира и неизбежного жизнелюбия юноши. Знающий цену победы солдат в этих строках — пусть не всегда совершенный! — точен и пропорционально правдив:

Ползут по кровавому следу,
По черному снегу полки.
Лишь веруя сердцем в победу,
Рассудку уже вопреки.

Страшные будни войны, за которыми пришла Победа. Ко всем нам вместе. Но к каждому — по-разному:

И мать руками сына обнимает,
Так вот она, победа, какова:
В защитной гимнастёрке,
Молодая,
И у нее седая голова...

Нельзя в стихах С. Орлова и другая мать:

Она молилась за победу,
Шесть сыновей на фронт ушли,
Но лишь когда упал последний,
Чтоб никогда не встать с земли,
Победа встала на пороге,
Но некому ее встречать...
Кто там!... Спросила

вся в тревоге
От слез ослепнувшая мать.

Я вспоминаю городок Тимашевск под Краснодаром, где создан музей Матери. Девятерых сыновей потеряла в больших и малых войнах русская крестьянка Евстиния Степанова, и трудно удержать волнение в этом уникальнейшем из музеев. Однако вся его тщательность и любовно подобранная экспозиция меньше говорит о горе и подвиге Матери, чем снятые скрытой камерой кадры из документального фильма о ней: согбенная женщина идет по празднично украшенным улицам среди нарядно одетых людей. День Победы...

Взором подлинного художника увидел молодой С. Орлов все это в 45-м году. Я не представляю новой антологии стихотворений, посвященных Великой Отечественной войне, без его «Матери».

Сколько лет прошло, а живет память той войны, болит, не смолкая, даже в тех, кого она задела косвенно, — в детях начала сороковых годов, эвакуированных в публокий тыл, даже в тех, кто родился в мирное время. Тем строже надо сейчас писать о ней, чтобы нынешняя молодежь знала правду, — писать, не впадая в бодрячество и не нагнетая ужас. С орловской точностью.

Но вот читаю последний «День поэзии», и в стихах одного лите-

ратора буквально натываются на строки об инвалиде войны:

У него лицо — как в том бою,
Где он потерял в воронке ноги
И оставил молодость свою.

По логике — можно принять, а по жизни — неправда. Вся нарочитость этих строк начисто подчеркивают два стихотворения С. Орлова. Одно из них, начинающееся словами «Не таким, не в войну, с полпути, я мечтал в этот домок прийти», рассказывает о возвращении изувеченного солдата. Молодой человек видит себя со стороны — тем более щемящий жестокий вывод:

Смотрит с жалостью женщина:
вот

С фронта новый калека идет.
Как жить ему дальше, как вой-
ти, вписаться в жизнь здоровых
людей? Страшный вопрос — как
на него ответить?

Сергей Орлов ответил своей жизнью, творчеством, общественной деятельностью. Спросим у него: оставил ли он молодость в горящем танке? Из стихотворения 45-го года:

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой,
Над сиреневой, лиловой,
Над рассветною водой.
Я от солнца глаз не прячу,
В гимнастёрочке стою,
Я стою, смеюсь и плачу,
Белый свет не узнаю.

Много ли стоят перед этими строками домыслы вышеупомянутого стихотворца?

Рожденная в начале двадцатых, молодежь грудью встала на защиту Родины. Думая о себе, о своих погибших сверстниках, С. Орлов обращает к ней удивительные по силе слова:

Звездная моя земля Россия,
Огненным полита дождем!
Ты их на руках своих носила,
Ты их посылала напролом —
Сыновей своих любимых,

кровных,
Может быть, единственных, туда
Где на дзотах в семь накатов
бревна,
Проволока густо в три ряда...

В своей незаданной военной тетради Сергей Орлов как бы взрослеет на глазах, и естественно приходит в его стихи лихая солдатская удалость:

Сиди и бей из пулемета,
Чтоб пальцы на крючке

свело...

А коль не подойдет пехота,
Загнут нас, будет нам тепло —
и рожденная долгой разлукой
(вместе с предчувствием веч-
ной) нежность:

Что ж, в юности мы все
клялись когда-то

Любить до смерти, глядя
на луну,
Но смерть и жизнь познавшие
солдаты,
Над этим не смеялись и в
войну.

Но и здесь молодой С. Орлов своеобразен. Как полно выразился его негнбимый характер, его неуклонное сопротивление превратностям судьбы в стихотворении, направленном «против течения» в раскрытии одной из лирических тем:

Это только поэты

пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность
на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданием пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви
спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать
за года,
Если мертвым я упаду,
Схорони, забудь — я живой и
тогда
Непременно назло приду.

Может быть, С. Орлов «далеко» прятал эти стихи, понимая, насколько большую объективную пользу приносит на войне легендарное «Жди меня»? Но было же у К. Симонова открытое письмо к женщине, изменившей солдату, был же горький и иронично-злой фронтовой фольклор! С. Орлов свято верил во фронтовую спайку, дружбу, но мотив личного противостояния смерти тем не менее один из важных в его лирике.

Много замечательных стихотворений в этой книге! Хочется цитировать и цитировать такие, как «Открытка», «Когда на фронте наступает ночь...», «Пусть о нас вспоминать будут редко...», «Знаю я, в песчанник иль суглинок...», «Будут жарко натоплены печи...», «Когда под пулями лежим...» Все названные стихи прекрасно дополняют главную — военную — тему орловской поэзии, которой он оставался верен до конца дней. Уже в 45-м году знал, что эта тема будет для него основной:

Нам мало вдосталь отоспаться,
Шинели снять, прийти домой,
Чтоб мирной жизнью

наслаждаться.
Не сравнивая мир с войной.

Да, Сергей Орлов запечатлевал приметы быстролетающих дней, напряженно думал о Космосе, во-

спевал русскую природу, заглядывал в глубины истории и в дали будущего. Но всегда — сравнивая с той войной, которая явила миру лучшие черты советских людей и сформировала нравственные идеалы поэта.

...Я читал посмертную книгу Сергея Орлова в отеле одной из ближневосточных столиц под неумолчный и полузабытый гул

автомобильных гудков. Вечерами у меня было время подумать над стихами поэта и пережить целую гамму чувств — радость, удивление и... сожаление. Сожаление о том, что я едва был с ним знаком, ни разу не говорил по душам... Ибо то, что С. Орлов говорит в книге «Костры», значительно и важно в масштабах всей современной поэзии.